

УДК 340.1
ББК 67.0

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКЛАССИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю.А. Гаврилова

Статья посвящена теоретическим проблемам использования «неклассической» методологии в рамках курса «История и методология юридической науки». Анализируются различные подходы к использованию таких методов, как синергетика, герменевтика, концептология в праве. Демонстрируются возможности неклассических методов в правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной деятельности.

Ключевые слова: теория, право, методология, методы познания, юридическая наука.

Образовательная ситуация в сфере юриспруденции, сложившаяся в начале XXI в., требует внесения существенных изменений в систему подготовки современных юристов, которые должны быть способными аккумулировать и применять в своей деятельности достижения зарубежной и отечественной юридической науки. Программа высшего уровня профессионального образования (магистратура) предполагает обязательное изучение курса «История и методология юридической науки», который призван раскрыть наиболее эпохальные этапы развития юриспруденции и дать понимание логики развития юридической науки во взаимосвязи с развитием общественных и естественных наук, как единого континуума научного знания. Изучение методологии современной юридической науки предполагает анализ системы методов, особенности их применения в конкретных научных исследованиях, понимание назначения «классических» методов научного исследования, овладение основами методологического анализа и навыками построения методологического пространства для выполнения работ в области правоведения, способами организации

разнопредметных знаний в рамках междисциплинарного исследования.

Методология – такая область познания, где никогда не было, нет и, пожалуй, быть (по определению) не может единства мнений, где всегда «ломались копья», шли жаркие дискуссии, ибо, как известно, в текущей жизни непрерывно возникают новые явления и реалии, к объяснению которых прежние, застывшие мерки не подходят. Меняются времена, мир, люди, отношения – меняются и средства их познания, интерпретации [13]. По мнению М.Н. Марченко, «в постсоветской России ложно понятое, нередко под влиянием политической конъюнктуры, фундаментальные, стратегические интересы и ценности всего общества в значительной мере были заменены и подменены сиюминутными, узкопрагматическими интересами и «ценностями», причем не всего, а только наиболее «выдающейся» части общества» [12, с. 6]. А.Б. Лисюткин справедливо отмечал, что методология может быть разной, но она не должна быть ложной, ошибочной. Иначе получим искаженную картину действительности и заблудимся в ней. Заблуждения же и ошибки особенно опасны в правоведении, где они могут привести к тяжелым практическим последствиям [9].

По мнению Л.И. Глухаревой, «сегодня понимание права напрямую зависит от избранного способа его познания, отобранных представлений. А поскольку современная наука отличается методологическим плюрализмом, то очевидно, что отыскание «единственно верного» и «истинного» определения права является проблематичным» [7, с. 56]. Тем не менее многолетняя дискуссия вокруг понятия права является в целом познавательно важной и полезной. И подчас полярные мнения по данному вопросу вовсе не минус, а плюс этих баталий. Ведь право имеет множество измерений: социальное, культурное, нравственное, философское, аксиологическое, политическое и т. д. В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова не без основания считают «правопознание сердцевинной юридической методологии, которая теснейшим образом связана с коренными проблемами философии». Вместе с тем авторы отмечают, что «в условиях современного социального заказа на новое правопонимание старые споры во многом устарели в своих постановках. Отечественная правовая доктрина в XXI в. не должна буксовать в наезженной колее полемики о правопонимании. Вопрос о праве имеет огромные перспективы в плане обновления методологии науки, но для этого надо суметь выбраться из прежнего русла» [18].

Постоянный процесс изменения классических научных парадигм, характерный для науки XX в., способствовал распространению механистического мировоззрения, а следовательно, переходу науки на позитивистские методологические позиции. Среди механистических конструкций государства самой известной считается марксистско-ленинская, рассматривающая государство как «аппарат классового насилия», «машину для подавления одного класса другим». Право же представляется как конструктивный механизм (механизм правового регулирования, механизмы правоприменения, ответственности и т. д.). В эпоху господства юридического позитивизма юриспруденция провозгласила себя наукой, а не философией [11]. Именно в этот период развития российской юридической науки были определены так называемые «классические» методы познания правовой действительности: исторический, сравнительный, формально-логический, диалектический и др.

В настоящий момент в современной юридической науке идут постоянные дискуссии о месте «классических» и «неклассических» методов в науке, практике и преподавании. И если использование исторического, сравнительного, формально-логического методов не вызывает сомнения, то место и роль материалистической диалектики в современной юриспруденции представляются дискуссионными. Диалектическая методология сближает теорию государства и права с философией права. Назначением диалектической методологии в праве является рассмотрение понятийного строя правосознания и государственно-правовых явлений в их динамике. Сущность диалектической методологии, по мнению В.П. Малахова, состоит в совмещении универсальности с конкретностью, в способности мыслить о конкретном (явлении, процессе) в категориальном ключе. Это совмещение происходит при условии: 1) первичности содержания по отношению к форме, и 2) изменчивости содержания, в том числе и вследствие развития мысли о предмете [10].

А.Б. Венгеров и В.В. Оксамытный единодушно понимают диалектико-материалистический метод как совокупность постулатов и не видят перспектив его применения в современном правоведении. В то же время мотивировка у них принципиально различна. По мнению А.Б. Венгерова, диалектико-материалистический метод: 1) сделав свое дело, безнадежно устарел, подлежит «отправке на пенсию», уступая место такому молодому и всесильному методу, как синергетика; 2) запятнал себя тем, что «был приспособлен для антигуманных, а порой и геноцидных политических целей в нашей стране». В.В. Оксамытный полагает, что диалектико-материалистический метод никогда не был действительным методом познания государства и права, а лишь «постулировался», «считался» таковым [4, с. 318–319; 16, с. 47]. Сторонником материалистической диалектики в современной юриспруденции выступает В.М. Сырых, который, используя доказательство от противного, считает, что если признавать научные достижения Н.Г. Александрова, П.Е. Недбайло, М.С. Строговича и др. в истории юридической науки, то следует признать и факт их связанности с материалистической диалекти-

кой. Именно В.М. Сырых в своих работах предлагает «позитивное» изложение этого классического метода научного познания [20].

В числе современных «неклассических» методов хотелось бы обратить внимание на синергетику, герменевтику и концептологию в праве. Знакомство магистрантов с этими методами позволяет расширить их горизонты познания правовой жизни и продемонстрировать возможности неклассической методологии в правотворческом, правоинтерпретационном, правоприменительном процессах.

За последнее десятилетие М.В. Арзамасцев, В.А. Бачинин, В.В. Ветютнев, Л.А. Мицкевич и другие авторы обращаются к синергетике, основанной на идеях открытости, нелинейности и равновесия систем [1; 2, с. 15–20; 14, с. 13–18]. Синергетические процессы приводят к увеличению меры упорядоченности системы, ее качественному преобразованию. Для юридической науки обращение к синергетике осуществляется в рамках методологического обновления и использования достижений синергетики в социологии права, теории государственного управления, при анализе динамики преступности и др. Однако более значимым представляется роль синергетики в процессе самоопределения юридической науки, ее места в системе гуманитарного знания. Именно это является особенно ценным для процесса преподавания методологии юриспруденции, так как позволяет формировать правосознание современного юриста. «Чем большими возможностями свободного выбора обладают субъекты правовой жизни, тем интенсивнее происходит самоорганизация, и наоборот... Если в правовой системе низок уровень допустимой свободы (например, в деспотических и тоталитарных государствах), то этим несколько не обеспечивается устойчивость ее развития» [5]. Важным фактором самоорганизации выступает взаимодействие официальной правовой системы с «теневой» стороной правовой жизни. Так, правовая система постсоветской России основана на ценностях и принципах рыночной экономики, частной собственности, свободного предпринимательства, находившихся в советский период «вне закона».

Герменевтика, как искусство толкования текстов, имеет многовековую историю. В на-

стоящее время в современной юридической науке идет дискуссия о месте и роли герменевтической методологии в системе методов юридической науки. «Задача общей герменевтики видится в понимании и истолковании, а юридической – сводится к решению двух проблем: проблема подведения частного случая под общее правило, вторая проблема связана с законодательной деятельностью» [8, с. 50–51]. По мнению А.И. Овчинникова, юридическая герменевтика представляет собой подход к праву, отвечающий идеологическим потребностям настоящего времени: остановить «коррозию» общественной структуры, разъедаемую радикальным индивидуализмом и духовно-нравственным нигилизмом «общества потребления» [15, с. 5]. С данным высказыванием можно согласиться, так как с помощью герменевтических методов мы можем согласовать «единичное» и «всеобщее», «индивидуальное» и «социальное», «иррациональное» и рациональное». Противоположной точки зрения придерживается В.М. Сырых, полагая, что использование герменевтики в интерпретационной деятельности представляет собой покушение на основы науки [19, с. 123–125].

По нашему мнению, герменевтика все же не является методологическим тупиком, так как она смогла «уловить» объективную тенденцию взаимного сближения и взаимопроникновения методов естественных и гуманитарных наук. Д.А. Гаврилов считает, что принцип «целого и части» отражает взаимоотношения герменевтики и юридического толкования, характеризующиеся как связь общего и частного [6, с. 11].

Примером особой значимой роли герменевтики в правоприменении может служить, например, решение комиссии Управления ФАС России по Волгоградской области по контролю в сфере размещения заказов по делу № 10-06/04-562, возбужденному по жалобе ООО «ГК Авега» (<http://zhaloby-gz.fas.gov.ru/fas/Default.aspx>). Комиссия УФАС установила, что назначение платежа, указанное в заявке ООО «ГК Авега» с сокращениями, можно идентифицировать и установить, на какое размещение заказа было внесено обеспечение заявки на участие в аукционе, так как документы, представленные в составе заявки участника раз-

мещения заказа, должны рассматриваться в совокупности (в целом), а следовательно, отклонение заявки ООО «ГК Авега» является незаконным.

Данное решение основывается на принципе «целого и части» («герменевтического круга»). Действительно, заявка прилагалась вместе с пакетом документов как **целое** и должна была рассматриваться в совокупности. При этом отделение какой-либо отдельной **части** из пакета документов (платежного поручения) и отрыв ее от **целого** противоречили действующему законодательству и нарушали права и законные интересы участника размещения заказа.

Таким образом, использование герменевтической методологии в реальном юридическом деле позволило согласовать справедливость и формальный подход к праву. Это свидетельствует, в свою очередь, не о методологическом тупике, а о неисследованных эвристических возможностях герменевтики как в процессе толкования, применения права и иных сфер юридической практики, так и в процессе преподавания современной методологии юридической науки.

В эпоху методологического обновления юридических знаний и их содержательной актуализации в сложных процессах развития современной России существует потребность в использовании такого сравнительно нового метода анализа правовых явлений, как концептологический метод. Концептуальной основой этого метода выступает понимание права как многомерного разнородного смыслового образования (концепта), имеющего в силу различной степени типичности, повторяемости, частотности использования его признаков смысловое ядро (ценности, идеи и нормы) и смысловую периферию (юридическая практика и социокультурные коммуникации).

Динамика внутрисоссийского, европейского и общемирового научного развития, накопившиеся за долгие годы зачастую небезосновательные претензии антисциентизма, постмодернизма и иных альтернативных мировоззренческих систем и «неклассических» методов выдвигают на первый план именно проблему совершенствования методологического инструментария юридической науки. Эффективный путь разрешения этой познава-

тельной ситуации в отечественном правоведении – это использование, на наш взгляд, таких методов и подходов, которые были бы междисциплинарными, интегративными, личностно-ориентированными. К таким методам можно отнести и концептологический.

Мы рассматриваем концепты в праве как многомерные сложные смысловые образования, которым свойственна гетерогенность содержательных элементов, представляющие собой результат отражения, интерпретации и (или) конструирования человеком правовой реальности в целях развития, совершенствования личностного и социального бытия. В системе таких концептов важно различать базовые правовые концепты, имеющие для юридической науки и практики важное методологическое значение:

1. Базовые концепты юридической сферы выполняют функцию смыслообразующих параметров научно-правовых исследований. Теоретические правовые идеи и концепции могут быть эффективным способом урегулирования социальных конфликтов и решения сложных социальных проблем в целом, если они направлены, прежде всего, на улучшение социально-правового статуса личности, развитие новых моделей его взаимоотношений с социальным окружением и государством при сохранении основополагающих условий социокультурного бытия: жизни, здоровья, свободы, достоинства человека, семьи и брака, материнства и детства, жилища, образования, труда и т. д. При этом «концепт» не отрицает этих сложившихся в правовой науке понятий и категорий и не схематизирует научный образ права в юридическом мышлении. Он максимально «раздвигает» смысловой горизонт понимания права, расширяет известные науке на данный момент пределы интерпретации, объяснения феномена права, упорядочивает знания о праве. Концепт в научно-правовом понимании, как сложная релятивная система разнородных и многоуровневых правовых знаний, предлагает более операциональным, партикулярным правовым концепциям свое место в общей системе правового ориентирования.

2. Базовые правовые концепты, как правило, нормативно закреплены в основных международно-правовых документах ООН, преамбуле Конституции Российской Федерации

1993 года. К их числу необходимо относить такие ценности, как свобода, равенство, братство, жизнь, личная неприкосновенность, достоинство, защита, семья и брак, жилище, собственность, совесть, общение, труд, социальное обеспечение, образование, творчество (международно-правовой уровень), многонациональный народ Российской Федерации, общая судьба, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, государственное единство, равноправие и самоопределение народов, память предков, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, суверенная государственность России, демократия, благополучие и процветание, ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями (национально-конституционный уровень России). Закрепление базовых концептов в международном праве, действующем российском законодательстве и степень их реальной концептуализации в правосознании всех социальных субъектов являются экспликацией их смысловой универсальности, правовой общезначимости.

3. Базовые правовые концепты – это исходный пункт многоступенчатого алгоритма настройки, диагностики и обслуживания права для удовлетворения потребностей и интересов как личности, так и общества, государства. Они проявляются в виде различных формул, принципов и директив, а именно:

а) *как критерии назначения уголовного наказания.* Согласно ст. 60 Уголовного кодекса РФ, при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 11.01.2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» концептуально разъясняется следующее. Перечисленные в ст. 60 Уголовного кодекса РФ критерии выражают в совокупности феномен справедливого наказания, то есть базовый правовой концепт «справедливость», конкретизируемый в уголовно-правовой сфере. Он проявляется в соразмерности назначаемого

наказания этим факторам в целом и корреляции степени строгости вида наказания с целями этого наказания (п. 1 и 2). Вместе с тем концепт «справедливость» предполагает также учет милосердия, доброты. Например, лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрена возможность назначения смертной казни или пожизненного лишения свободы, но на основании вердикта присяжных заседателей заслуживающему *снисхождения указанные виды наказаний не применяются.* В таких случаях председательствующий с учетом характера совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела назначает наказание в виде лишения свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ) в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, в том числе более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (п. 13) [3]. В последнем случае разъяснение высшей судебной инстанции постулирует и защищает доминанту еще одного базового правового концепта – «жизнь» (в виде ее сохранения);

б) *как мотивы отсрочки исполнения приговора.* В силу ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса РФ исполнение приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, аресту или лишению свободы может быть отсрочено судом на определенный срок при наличии одного из следующих оснований: 1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления; 2) беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей – до достижения младшим ребенком возраста четырнадцати лет, за исключением осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности; 3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев. В данной правовой норме обнаруживает себя временное отступление от

процесса исполнения уголовного наказания (интерес государства) во имя сохранения и поддержания на определенный период ряда аксиологически окрашенных базовых правовых концептов: «здоровье», «материнство» и «детство», «жилище», «гражданское согласие» (интересы личности и общества);

в) как способ оценки действий участника гражданского оборота в качестве разумных и добросовестных. В соответствии с п. 2 ст. 6 ГК РФ при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. В силу п. 3 ст. 10 ГК РФ в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. В российской судебной практике можно выделить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П от 21.04.2003 г. по делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева. Указанным судебным актом признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации содержащиеся в п. 1 и 2 ст. 167 ГК Российской Федерации общие положения о последствиях недействительности сделки в части, касающейся обязанности каждой из сторон возратить другой все полученное по сделке, поскольку данные положения – по их конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со ст. 302 ГК Российской Федерации – не могут распространяться на добросовестного приобретателя, если это непосредственно не оговорено законом [17]. Помимо добросовестности, в Постановлении Конституционного Суда РФ остались «невыраженными», но при внимательном анализе в высшей степени гуманистически ориентированными базовые правовые концепты «жилище», «нравственность» и «семья».

Таким образом, неклассические методы в преподавании дисциплины являются формой адаптации знаний к изменяющейся социаль-

но-правовой реальности. Они дополняют представления о классических методах исследования государства и права, способствуют преодолению их недостатков. Использование таких методов, как концептологический, синергетический, герменевтический, совершенствуют эвристический потенциал магистрантов и формируют правосознание творческого, мыслящего, современного юриста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцев, М. В. Возможности синергетического подхода при анализе динамики преступности / М. В. Арзамасцев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.sartracc.sgap.ru/pub/arzamaszev\(15-04-05\).htm](http://www.sartracc.sgap.ru/pub/arzamaszev(15-04-05).htm). – Загл. с экрана.
2. Бачинин, В. А. Синергетическая методология и социология права / В. А. Бачинин // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : материалы Междунар. науч. конф. – СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2001. – С. 15–20.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 4.
4. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 1998. – 528 с.
5. Ветютнев, Ю. Ю. Синергетика и правоправедение / Ю. Ю. Ветютнев // Современные методы исследования в правоправедении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – С. 294–306.
6. Гаврилов, Д. А. Правоприменительное толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гаврилов Д. А. – Саратов, 2000. – 30 с.
7. Глухарева, Л. И. О тенденциях методологии современного правопонимания / Л. И. Глухарева // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы : сб. ст. / под ред. М. Н. Марченко. Вып. 1. – М. : Юрист, 2006.
8. Козлихин, И. Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию / И. Ю. Козлихин // Современные методы исследования в правоправедении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – 560 с.
9. Лисюткин, А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект / А. Б. Лисюткин. – Саратов : Изд-во СГАП, 2001. – 306 с.
10. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права / В. П. Малахов // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 2–17.

11. Мальцев, Г. В. Право и «смена веков» в научной методологии / Г. В. Мальцев // История государства и права. – 2009. – № 22. – С. 44–47.

12. Марченко, М. Н. // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы / под ред. М. Н. Марченко. – Вып. 1. – М. : Юрист, 2006.

13. Матузов, Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении / Н. И. Матузов // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – С. 5–24.

14. Мицкевич, Л. А. Синергетические основы государственного управления / Л. А. Мицкевич // Новая правовая мысль. – 2004. – № 2. – С. 13–18.

15. Овчинников, А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / А. И. Овчинников,

И. Л. Честнов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 288 с.

16. Оксамытный, В. В. Теория государства и права / В. В. Оксамытный. – М. : Юнити, 2004. – 563 с.

17. Российская газета. – 2003. – 26 апр. (№ 81).

18. Синюков, В. Н. К обновлению методологии юридической науки / В. Н. Синюков, Т. В. Синюкова // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – С. 25–48.

19. Сырых, В. М. Герменевтический круг как методологический тупик / В. М. Сырых // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – С. 123–125.

20. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права. В 3 т. Т. 1 / В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2000. – 330 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF “NON-CLASSIC METHODS” IN TEACHING OF THE HISTORY AND METHODOLOGY OF JURISPRUDENCE

Yu. A. Gavrilova

This article is devoted to the analysis of the theoretical and methodological problems of «non-classic methods» in teaching of the history and methodology of jurisprudence. The author analyses a spectrum of approaches to the use of such methods as synergetics, hermeneutics, conceptology in law. The author demonstrates the possibilities of non-classical methods in law-making, law-enforcement, law-interpreting activities.

Key words: *theory, law, methodology, methods of cognition, jurisprudence.*